Об индийской и китайской поэзии. Иоганн Вольфганг Гёте

Мы были бы в высшей степени неблагодарными, если бы не отдали должного творениям индийской поэзии, и именно тем из них, которые потому уже удивления достойны, что, поднявшись в своей счастливейшей естественности над конфликтом самой запутанной философии, с одной стороны, и самой чудовищной религии, с другой, берут из обеих лишь то, что способствует внутренней углубленности и совершенству формы.

Прежде всего здесь необходимо назвать «Сакунталу», перед которой мы вот уже многие годы все испытываем чувство восхищения. Женственная чистота, невинная покорность, непостоянство мужа, материнская самоуглубленность, отец и мать, которых вновь соединила любовь к сыну; самые естественные состояния человеческой жизни, здесь, однако, поэтически вознесенные в сферу чуда, которое парит между небом и землей, как напоенные влагой облака; и в то же время обычная драма природы, где все роли исполняют боги и дети богов.

То же самое можно сказать и о «Гита-говинде»; также и тут самые важные события во внешнем мире могут быть представлены, только если в действе участвуют боги и полубоги. Нас, людей западного мира, почтенный переводчик ознакомил лишь с первой половиной поэмы, в которой изображена беспредельная ревность некоей полубогини, брошенной своим любовником или же полагающей себя брошенной. Обстоятельность этой живописи чувств трогает нас до мельчайшей детали; каковы же будут наши переживания при чтении второй части поэмы, где изображается возвращение бога к своей возлюбленной, ее безмерная радость и безграничное наслаждение любящих, и все это, надо думать, с такой силой, чтобы вознаграждена была недавняя боль разлуки с любимым.

Несравненный Джонс знал своих западных островитян достаточно хорошо, чтобы и в этом случае, как во всех остальных, держаться в рамках европейской благопристойности; и все же он решился на такие намеки, что один из его немецких переводчиков почел необходимым их опустить.

Далее, мы не можем обойти молчанием ставшую недавно известной поэму «Мегадута». И она тоже, как обе предыдущие, берет за главное свое содержание человеческие отношения. Один придворный, изгнанный из Северной Индии в Южную, видя, как огромная вереница облаков, набухших влагой и вечно меняющих свой облик, неудержимо тянется с южных вершин полуострова к северным хребтам, обещая пору дождей, поручает одному из этих грандиозных воздушных явлений передать привет своей супруге, оставшейся на севере, и утешить ее тем, что срок его изгнания подходит к концу, по дороге же навестить города и земли, где живут его друзья, и благословить их, благодаря чему мы получаем представление о пространстве, отделяющем изгнанника от его возлюбленной, и одновременно подробную картину богатейшего ландшафта.

Все эти творения поэзии дошли до нас благодаря переводам, которые в большей или меньшей степени отличаются от оригинала, и таким образом мы имеем о нем лишь самое общее представление, вместо того чтобы познать его в четко очерченном неповторимом своеобразии. Разница здесь, надо сказать, очень велика, что можно ясно увидеть по переводу некоторых стихов прямо с санскрита, которым я обязан господину профессору Розегартену.

Мы не можем возвратиться с этого далекого Востока, не упомянув ставшую не так давно известной китайскую драму. В ней трогательнейшим образом изображены истинные чувства старейшего человека, который уходит из жизни, не оставив на земле мужского потомства; и тем выразительнее они проступают в сцене прекраснейшей церемонии, установленной национальным обычаем, чтобы оказать покидающему этот мир последние почести; ибо старец, не решаясь лишиться церемонии, вынужден поручить ее исполнение равнодушным и нерадивым родственникам.

Это очень своеобразный семейный портрет, смысл которого не в отдельных частностях, а в обобщении. Он немало напоминает нам одиноких холостяков Иффланда с той лишь разницей, что немец исходит из состояния духа своего героя и невежества его домашнего и бюргерского окружения, а у китайца, кроме этих же самых мотивов, играют роль еще религиозные и полицейские церемонии, которые были бы благом для счастливого отца семейства, но нашему почтенному старцу доставляют бесконечно мучительные минуты, обрекая его на безграничное отчаяние, пока, наконец, благодаря неожиданному, хотя и подготовлявшемуся втайне повороту событий, все не заканчивается радостью.

1821

Комментарии

Впервые этот набросок опубликован в томе 49 посмертного издания сочинений Гете (1833). Предположительная дата написания — 1821 год.

«Сакунтала» («Шакунтала») — наиболее прославленное произведение индийского драматурга Калидасы (V в.). Гете ознакомился с ним в 1791 г. в немецком переводе Георга Форстера.

«Гита-говинда» — песни древнеиндийского поэта Джаядевы. Гете читал их в немецком переводе Дальберга, изданном в 1802 г.

Джонс Уильям (1746–1794) — английский ориенталист, один из основателей научного изучения восточной литературы.

…один из его немецких переводчиков… — Фридрих Иоганн Хуго фон Дальберг.

«Мегадута» («Облачный вестник») — произведение Калидасы.

…ставшую не так давно известной китайскую драму. — Имеется в виду драма «Наследник в старости» Ву Хан-шина, в переводе на английский язык (Лондон, 1817).

А. Аникст